

Испанскій инсургентъ. Сынъ Гатчинскаго генерала.

Въ многочисленной группѣ Гатчинскихъ генераловъ не послѣднее мѣсто занимаетъ А. С. Кологривовъ. Товарищъ Капцевичей, Кутлубицкихъ, Линдеровъ и самого Аракчеева, Кологривовъ, такъ же, какъ и всѣ эти вахтъ-парадные невѣжественные, ограниченнаго ума служаки, выгодно выдѣлялся изъ этой среды своей порядочностью, благородствомъ и общепризнанной храбростью. Лихой кавалерійскій генералъ, глубоко преданный Павлу I, его любимецъ, онъ сохранилъ навсегда и благоволеніе Александра. Андрей Семеновичъ Кологривовъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, ведущаго свое начало отъ одного корня съ Пушкиными. Человѣкъ богатый, независимый, самостоятельный, при томъ добрѣйшей души, онъ былъ великій хлѣбосоль и даже среди современниковъ снискалъ репутацію радушнаго и гостепріимнаго хозяина. С. П. Жихаревъ въ своемъ Дневникѣ вспоминаетъ, что въ его студенческіе годы ходила поговорка: „Кто у Малютина (командира Измайловскаго полка) пообѣдаетъ, а у Кологривова поужинаетъ и къ утру не умретъ, тотъ два вѣка проживетъ“.

Баронъ Гейкингъ, оставившій Записки о временахъ Павла, очень расположенный къ врагу Кологривова графу П. А. фонъ-дербъ-Палену, говоритъ о его „смѣлой осанкѣ“, „наглости“ и „хвастливости“, благодаря которымъ будто онъ и прослылъ храбрецомъ, каковымъ считалъ его самъ государь. „Когда находили на Павла припадки страха, онъ приказывалъ Кологривову спать у себя въ комнатѣ“. И графъ Паленъ, очевидно, не ошибался въ преданности Гатчинскаго вѣрнаго слуги. Въ роковую ночь съ 11 на 12 Марта главари заговора позаботились устранить этого опаснаго для нихъ человѣка, арестовавъ его на дому на всю ночь. Павелъ цѣнилъ Кологривова и, наградивъ его, всего 22 лѣтъ отъ роду, чиномъ генералъ-майора и орденомъ св. Анны 1 степени, пожаловалъ ему 15000 дес. земли въ Тамбовской губерніи съ 1500

душами. Одинадцати лѣтъ (родился въ 1774 г.) въ 1785 г. Кологривовъ былъ зачисленъ въ рейтъ-пажи къ великому князю Павлу Петровичу; черезъ пять лѣтъ онъ былъ уже ротмистромъ Кирасирскаго Наслѣдника полка, затѣмъ сдѣланъ командиромъ Гатчинскаго эскадрона, послѣ чего вскорѣ (въ началѣ 1796 г.) получилъ громкій титулъ командира всей Гатчинской кавалеріи. Юный генералъ, потерявъ своего благодѣтеля, продолжалъ пользоваться расположеніемъ Александра I-го и участвовалъ, командуя кавалеріей, во всѣхъ походахъ и кампаніяхъ Наполеоновскихъ войнъ, въ 1805—1814 годахъ; за Фридландъ онъ получилъ даже сразу орденъ св. Георгія 3 степени¹⁾.

По окончаніи войнъ генералъ-отъ-кавалеріи Кологривовъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, въ своемъ роскошномъ домѣ, съ домовою церковью, на Тверскомъ бульварѣ.

Здѣсь прожилъ Андрей Семеновичъ до своей кончины въ Декабрѣ 1825 года. Похороненъ онъ въ Даниловомъ монастырѣ; великолѣпный гранитный памятникъ, съ надписью „Блаженни милостивіи, яко тѣи помилованы будутъ“, украшаетъ доселѣ его могилу; мраморный на немъ барельефъ изображаетъ плачущую передъ его бюстомъ вдову съ шестью дѣтьми.

Генералъ Кологривовъ былъ женатъ на дочери генералъ-лейтенанта Екатерины Александровны Челищевой (р. 27 Іюня 1778 г., † 14 Декабря 1857 г.; похоронена тоже въ Даниловомъ монастырѣ), надолго его пережившей. Отъ этого брака у него была большая семья: 4 сына и 5 дочерей²⁾. Сестры были всѣ старше сыновей; старшій сынъ былъ Михайлъ, родившійся въ Февралѣ 1813 г., о немъ рѣчь будетъ впереди.

Жена Кологривова происходила изъ стариннаго богатаго дворянскаго рода Челищевыхъ. Отецъ ея, Александръ Ивановичъ Челищевъ, женатый на дочери Маріи Николаевны Огаревой, былъ лейтенантъ; братъ—Николай, сенаторъ, д. тайный совѣтникъ, позднѣе членъ Государственнаго Совѣта (р. 16 Апрѣля 1783 г. † 27 Декабря 1859 г.). Овдовѣвъ, Кологривова поселилась на Новинскомъ бульварѣ не далеко отъ Поварской, въ д. Воронца, гдѣ и скончалась.

Не такъ давно умершій Московскій старожилъ Д. И. Никифоровъ, лично знавшій въ молодости Кологривову, сообщаетъ въ своей „Старой

¹⁾ Портретъ А. С. Кологривова (изъ Гатчинскаго дворца) помѣщенъ въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича „Русскіе портреты“, т. IV, № 81.

²⁾ А именно: Михайлъ, Семенъ, Николай и Александръ, и дочери: Анна (въ замужствѣ Хлопова), Марія, Екатерина, Александра и Надежда (въ 1 бракѣ графиня Коновницына, во 2-мъ княгиня Дондукова-Корсакова).

Москвѣ“ (I, 201) любопытныя о ней свѣдѣнія. Оставляя на отвѣтственности автора правдивость его разсказа, приведемъ его здѣсь какъ хорошо характеризующій интересующую насъ семью. „Генераль Кологривовъ“, разсказываетъ Никифоровъ, „былъ одинъ изъ сподвижниковъ Отечествен-ной войны и отличался замѣчательной отвагой. Супруга его, бывшая при дворѣ, была замѣчательная красавица своего времени, всегда окруженная блестящимъ обществомъ. При своемъ стройномъ красивомъ станѣ, она пользовалась общимъ поклоненіемъ, и современные ей кавалеры всегда искали ея благосклоннаго взора. Генераль обожалъ свою жену и не рѣдко ревновалъ ее къ лицамъ, искавшимъ ея вниманія. Войдя, однажды, незамѣтно въ залъ своего обширнаго дома, онъ увидѣлъ въ концѣ анфилады комнатъ жену, разговаривавшую съ молодымъ офицеромъ, который что-то горячо разсказывалъ и, какъ показалось генералу, близко приблизился къ его женѣ. Несмотря на свои немолодые годы, вспыльчивый генераль быстро выхватилъ изъ ноженъ саблю и бросился на предполагаемаго соперника. Только быстрый скачокъ офицера черезъ окно въ садъ спасъ нарушителя спокойствія генерала отъ предназначавшагося ему наказанія. Когда, въ послѣдствіи, во время представленія императрицы Маріи Ѳеодоровны, государыня спросила его о здоровьѣ супруги и, получивъ не совсѣмъ удовлетворительный отвѣтъ, потомъ спросила его: „гуляетъ ли его жена“, генераль, несовсѣмъ понявъ вопросъ, отвѣтилъ: „гдѣ ей гулять въ настоящее время: было время, была молода—гуливала, а теперь перестала“. Я познакомился съ генеральшей въ коронацію императора Александра II. Это была уже совсѣмъ пожилая женщина, подъ 70 лѣтъ, хотя съ устарѣвшимъ лицомъ, но со слѣдами былой красоты. Любезный разговоръ и мягкость манеръ невольно очаровывали собесѣдника. Разговоръ ея про былое былъ интересенъ и увлекателенъ. Видно было, что генеральша провела свою жизнь, окруженная блескомъ ума и изящныхъ манеръ. Конечно, кругозоръ ея былъ пропитанъ аристократизмомъ идей и общежитія. Я помню, обѣдая разъ у нея, въ небольшомъ обществѣ, гдѣ присутствовалъ ея племянникъ, извѣстный въ Москвѣ полицеймейстеръ Николай Ильичъ Огаревъ*), она послѣ обѣда спросила его, правда ли, что городскіе слухи приписываютъ ему намѣреніе жениться на извѣстной артисткѣ Малаго театра Медвѣдовой, за которой тогда сильно ухаживалъ Николай Ильичъ. Несмотря на отрицательный отвѣтъ его, ему пришлось долго почтительно выслушивать

*) Кто изъ Москвичей не помнитъ популярнѣйшаго, усатаго генерала Н. И. Огарева? Чѣмъ-то патріархальнымъ вѣяло отъ его фигуры и обращенія. Онъ умеръ 19 Января 1890 г., 70 лѣтъ, проживъ 33 года въ Москвѣ полицеймейстеромъ 1 отдѣленія.

довольно рѣзкое наставленіе тетушки о традиціяхъ семьи и чести рода Огаревыхъ“.

Среди такой довольно безтолковой и несуразной семейной обстановки воспитывались и выросли дѣти. Какъ мы уже замѣтили, старшими въ домѣ были дочери: Анна, родившаяся въ 1802 г., вышла замужъ за Хлопова, Марія родилась 1804 г., Екатерина—въ 1806 году, Александра—въ 1807 г. и Надежда была младшая. Умерла она недавно, въ 1889 г., бывши въ первомъ бракѣ за графомъ Г. П. Коновницынымъ, а во второмъ за княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ, главнокомандующимъ на Кавказѣ.

Старшій изъ сыновей, Михайль, остался послѣ отца 12 лѣтъ. Была учреждена опека, состоявшая изъ его дяди Николая Александровича Челищева, въ то время сенатора, и Воронежскаго губернатора Дмитрія Никитича Бѣгичева, позднѣе тоже сенатора. Повидимому, и дѣло воспитанія сыновей А. С. Кологривова перешло къ опекунамъ. По отзыву послѣднихъ, „Михайло Кологривовъ, съ самаго дѣтства оказывалъ пылкій, своевольный и настойчивый характеръ, а потомъ вольнодумство“. Въ чемъ заключалось и какъ проявлялось это послѣднее непохвальное качество, къ сожалѣнію намъ неизвѣстно. Какъ бы то ни было, но опекуны принимали разныя воспитательныя мѣры для исправленія характера и мировоззрѣнія Кологривова, какія находили нужными и лучшими. Едва минуло Кологривову 17 лѣтъ, какъ Бѣгичевъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ отправить его за границу, а именно во Францію, очевидно имѣя въ виду и продолженіе его образованія, и исправленіе характера и его наклонностей къ „вольнодумству“. Шель 1830 годъ. Извѣстно, что происходило въ то время въ Западной Европѣ вообще и въ Парижѣ въ частности, подъ вліяніемъ крайней реакціи правительства Карла X. Революціонное настроеніе висѣло въ воздухѣ, и можно было легко предвидѣть послѣдствія. Приближалась Іюльская революція, когда Парижскій „народъ“ низвергъ послѣдняго Бурбона и возвелъ на престолъ короля-мѣщанина (буржуа). Посылая въ Парижъ экзальтированнаго юношу, сына „своего благодѣтеля и друга“, Бѣгичевъ оказалъ ему плохую услугу. Правда, онъ позаботился подыскать ему надежнаго гувернера, какого-то Іона (Жонъ, иначе даже Джонъ), о которомъ отзывался, какъ объ „опытномъ, умномъ, благоразумномъ человѣкѣ“ и при томъ своемъ другѣ. Судя по дальнѣйшему, едва ли онъ вполнѣ заслуживалъ эти лестные отзывы. Во всякомъ случаѣ дальновидный и опытный педагогъ не могъ бы не усумниться въ пользѣ такого педагогическаго пріема, имѣя въ виду переживаемое тогда время.

Въ дни Іюльской революціи Іонъ и Кологривовъ явились въ Парижъ. Здѣсь у пылкаго юноши явилась полная возможность приложить свои вольнодумныя наклонности къ дѣлу. Повторилась исторія путешествія графа П. А. Строганова, съ его воспитателемъ Роммомъ, въ Парижъ, во времена первой революціи... Но тогда Екатерина II сумѣла вытребовать Строганова, вопреки слабохарактерности его отца, и тѣмъ спасла молодого человѣка. Теперь было хуже. Кологривовъ принялъ „дѣятельное участіе въ бывшей въ томъ году Французской революціи“ (какъ гласитъ оффиціальныи документъ); какое въ точности, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Судя по его собственнымъ словамъ (см. дальше) онъ вѣроятно былъ даже на баррикадахъ: его видимо влекли къ себѣ военные подвиги.

Какъ бы то ни было, губернерь, вмѣсто того, чтобы спасти порученнаго ему воспитанника, пишетъ Бѣгичеву такое странное письмо: „Изъ послѣднихъ писемъ Михаила Андреевича вамъ извѣстно, что онъ намѣревался возвратиться въ свое отечество, и я самъ совѣтовалъ вамъ *оставить его еще нѣсколько времени* въ чужихъ краяхъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобы онъ выѣхалъ изъ Парижа: ибо съ крайнимъ прискорбіемъ началъ я замѣчать, что послѣдняя революція, въ *коей обстоятельства* принудили его принять дѣятельное участіе, *пробудила въ немъ прежнія мечтанія* (sic) о вольности и независимости, которыхъ никакія увѣщанія мои совершенно истребить не могли. И, къ несчастію его, вдругъ получено повелѣніе Государя Императора, чтобы всѣ Русскіе, находящіеся во Франціи, возвратились въ свое отечество. Хотя онъ и скрывалъ негодованія свои на таковое, по словамъ его, самовластное повелѣніе, которому, по мнѣнію его, могутъ повиноваться одни рабы, но рѣшительно объявилъ, что не можетъ жить подъ самодержавнымъ правленіемъ и не намѣренъ никогда возвращаться въ Россію“.

Письма самого Кологривова къ матери и брату не оставляли никакого сомнѣнія, что юноша совсѣмъ сбился съ пути истины и что слабая голова его закружилась въ вихрѣ новыхъ идей и необычной обстановки. Въ Сентябрѣ 1830 г. Кологривовъ писалъ одному изъ своихъ братьевъ (вѣрно слѣдующему, 15-ти лѣтнему Семену): „Вамъ извѣстны политическія мои мнѣнія. Вы знаете, что я болѣе всего ненавижу самовластіе и не могу жить подъ деспотическимъ правленіемъ. Я вступилъ поручикомъ въ корпусъ генерала Мины для возвращенія Испанцамъ свободы силою оружія. Бывъ свидѣтелемъ послѣдней революціи и лично участвовавъ въ оной, я убѣдился болѣе, чѣмъ прежде, что мнѣ невозможно въ теперешнихъ обстоятельствахъ исполнить по-

велѣніе Императора возвратиться въ Россію, вмѣстѣ со всѣми находящимися въ Парижѣ Россійскими подданными⁴. Далѣе Кологривовъ писалъ: „Я зрѣло обдумалъ свой поступокъ, могу лишиться своего имѣнія, но лучше соглашусь бѣдствовать, даже умереть, чѣмъ жить въ рабствѣ“¹⁾. Въ письмѣ къ матери, сынъ сообщалъ: „Бывъ увѣренъ, что вы будете осуждать образъ моихъ мыслей, скажу вамъ только, что я врагъ самовластиа и насилія, и готовъ жертвовать жизнью и пролить послѣднюю каплю крови за свободу. Послѣдняя революція еще болѣе утверждала меня въ моихъ мнѣніяхъ, въ моей ненависти къ тиранамъ. Бывъ дѣятельнымъ участникомъ въ послѣдней Французской революціи, сражавшись противъ роялистовъ или, лучше сказать, противъ рабовъ, подвергавъ многократно жизнь свою опасности, я почувствовалъ болѣе, нежели когда либо, всю цѣну свободы, и мнѣ уже было невозможно исполнить повелѣніе Государя возвратиться въ Россію“.

Въ тоже время Кологривовъ писалъ своему спутнику и гувернеру: „Когда вы получите это письмо, то я буду не въ Версали, какъ вы полагаете, но вѣроятно въ Байонѣ, оттуда отправлюсь въ Испанію; ибо я вступилъ поручикомъ въ состоящее подъ начальствомъ Мины²⁾ священное войско (*corps sacré*) для возвращенія Испанцамъ свободы силою оружія. Мнѣ больно было оставить васъ, не простившись съ вами; но мысль, что вы сдѣлали бы все возможное, чтобъ отклонить меня отъ исполненія предпріятія моего, заставила меня скрыть оное отъ васъ: ибо, клянусь вамъ всѣмъ, что есть святого, что никто, ни мать моя, ни родственники, ни даже самый Богъ, не могли бы убѣдить меня оставить мое намѣреніе. Слишкомъ нѣжная привязанность и дружба ваша ко мнѣ побудили бы, можетъ быть, васъ прибѣгнуть къ помощи посольства, но даю честное слово (вамъ извѣстенъ мой характеръ), что я скорѣе умертвилъ бы себя, нежели оставилъ свое предпріятіе. Я разсуждалъ о томъ, что теперь дѣлаю. Знаю, что могу лишиться имѣнія своего въ Россіи, что всѣ родственники мои будутъ осуждать мой поступокъ; не смотря на то, я не колеблюсь, ибо не хочу возвратиться въ Россію, къ чему меня принудило полученное въ Парижѣ повелѣніе Государя Императора“.

¹⁾ Тутъ помѣщаются всѣ тѣ отрывки изъ писемъ Кологривова и другихъ лицъ, которые имѣются въ дѣлѣ о немъ. См. Архивъ Государственного Совѣта, Д-тъ Гражд. и Дух. дѣлъ, 1832 г., № 5.

²⁾ Извѣстный Испанскій генераль Мина (р. 1762., † 1836 г.), именно въ 1830 г. поднявшій вооруженное возстаніе въ Испаніи, 26 Октября изъ Франціи явился съ добровольцами въ Испанію, гдѣ черезъ нѣсколько дней былъ разбитъ.

распоряженіе о своихъ вещахъ и сообщаетъ Іону, что онъ писалъ Бѣгичеву и просилъ выдать гувернеру 10,000 рублей. Ко всему онъ прибавляетъ: „одна мысль, что я свободенъ и независимъ, сдѣлала меня другимъ человѣкомъ“.

Сообщая подробно Д. Н. Бѣгичеву объ этомъ письмѣ, Іонъ прибавляетъ отъ себя: „я не объявлялъ о семъ (т. е. объ отъѣздѣ воспитанника своего въ Испанію) посольству, и когда будутъ спрашивать въ нашей квартирѣ, то скажутъ, что мы уѣхали; ибо мнѣ хотѣлось бы, чтобъ сіе оставалось въ тайнѣ и не дошло до свѣдѣнія Государя Императора. Постарайтесь также съ своей стороны, чтобы слухъ о семъ не распространился въ Москвѣ“.

Предупрежденіе это было уже лишнимъ: слухи о болѣе чѣмъ странномъ поступкѣ юнаго сына храбраго генерала-отъ-кавалеріи, облагодѣтельственнаго Павломъ I и кавалерственной дамы, дошли до Государя, и Николай Павловичъ приказалъ Бенкендорфу потребовать отъ Бѣгичева объясненіе относительно поступка Кологривова, „вступившаго въ рать Испанскихъ выходцевъ“, а также истребовать отъ него всѣ подлинныя письма, какъ Кологривова, такъ и Іона.

Бѣгичевъ тотчасъ выслалъ все Бенкендорфу, присовокупивъ отъ себя слѣдующее объясненіе: „Душевно соболѣзную о несчастномъ сынѣ своего благодѣтеля и друга, совратившимся съ пути добродѣтели; но, не имѣя правъ предстательствовать въ пользу его, изъявляю только надежду, что строгое наказаніе могло бы еще содѣлать его полезнымъ отечеству человѣкомъ“.

По докладу шефа жандармовъ, Государь приказалъ передать дѣло въ Комитетъ Министровъ, дабы „опредѣлено было, какое сдѣлать распоряженіе къ обнародованію законнымъ образомъ поступка Кологривова I-го, съ исключеніемъ его изъ отечества, не нарушая коренныхъ государственныхъ постановленій“.

По представленію Комитета Министровъ, Государь повелѣлъ „Михаила Кологривова предать суду на законномъ основаніи“. 1-й департаментъ Сената, сдѣлавъ о томъ распоряженіе, предписалъ Бѣгичеву, какъ опекуну, „прекратить всякую посылку къ нему денегъ“, дабы Кологривовъ, „впредь до рѣшенія дѣла, не могъ воспользоваться, ни принадлежащею ему по наслѣдству частью, ни доходами съ оной“.

Кологривову предъявлены были обвиненія въ такой формѣ: 1) „принялъ дѣятельное участіе въ бывшей въ томъ году Французской революціи“; и 2) „не повинуюсь высочайшему Его Императорскаго Вели-

чества повелѣнію о возвращеніи въ Россію, отправился въ Испанію и вступилъ въ службу Испанскихъ инсургентовъ“.

Петербургскій Надворный Судъ, куда поступило дѣло Кологривова, постановилъ суровый приговоръ, который потомъ значительно былъ смягченъ Уголовной Палатой. Надворный Судъ нашелъ, что подсудимаго Михайлу Кологривова „слѣдовало бы повѣсить, но какъ высочайше жалованною дворянству грамотою (5, 6 и 15 ст.) и указомъ 1754 г., Сентября 27 дня, тѣлесное наказаніе и смертная казнь до дворянина не касаются, то выставить имя и фамилію его на доскахъ въ обѣихъ столицахъ, съ помѣщеніемъ гнуснаго Кологривова поступка, а письма его сжечь. Когда же онъ, Кологривовъ, осмѣлится явиться на границы Россіи, то, лиша его дворянскаго достоинства, сослать въ каторжную работу. Слѣдующее на его часть наследственное движимое и недвижимое имѣніе отдать нынѣ законнымъ наследникамъ“.

Петербургская Уголовная Палата постановила слѣдующее рѣшеніе, съ которымъ согласился и гражданскій губернаторъ Храповицкій: „Михайло Кологривовъ неисполненіемъ высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ Россію, участіемъ въ послѣдней Французской революціи, вступленіемъ въ службу Испанскихъ мятежниковъ и, наконецъ, противозаконною волею, выраженною въ письмахъ своихъ противъ самодержавной власти, Богомъ ниспосланной для благоденствія Россіи, сдѣлался явнымъ преступникомъ до того, что, забывъ священный долгъ вѣрноподданнической присяги, на самомъ дѣлѣ измѣнилъ всемилостивѣйшему Государю Императору своему и Отечеству, а потому: 1) лишить его, М. Кологривова, дворянскаго достоинства и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ, и хотя бы слѣдовало его нынѣ же сослать въ каторжную работу вѣчно, но какъ онъ находится за границую и возвращеніе его въ Имперію высочайше ему воспрещено, то таковой омерзительный измѣнническій его поступокъ обнародовать повсемѣстно, установленнымъ порядкомъ; и 2) все принадлежащее ему имѣніе отдать законнымъ его наследникамъ, воспретивъ имъ имѣть съ нимъ, какъ съ изверженнымъ изъ среды вѣрноподданныхъ, всякое сношеніе и оказывать ему какое либо пособіе, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго взысканія по законамъ“.

Такое рѣшеніе Уголовной Палаты было представлено губернаторомъ въ Сенатъ и здѣсь, въ 5 Уголовномъ департаментѣ, произошли серьезныя разногласія между сенаторами.

Впрочемъ сенаторы Меркуловъ¹⁾, Мертенсъ²⁾ и Баратынскій³⁾ вполне согласились съ приговоромъ Уголовной Палаты.

Между тѣмъ, два выдающіеся сенатора, старикъ графъ Петръ Александровичъ Толстой (бывшій посоль въ Парижѣ при Наполеонѣ), и сравнительно молодой Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (будущій министръ народного просвѣщенія и графъ) подали замѣчательно гуманное мнѣніе, которое приводимъ здѣсь вполне. Слова этихъ сенаторовъ звучатъ полнымъ и искреннимъ безпристрастіемъ, самостоятельностью и независимостью взглядовъ, вмѣстѣ съ мягкостью и милосердіемъ по отношенію къ легкомысленному поступку и заблужденію молодого человѣка.

„Приговоръ Уголовной Палаты“, пишутъ Уваровъ и графъ П. А. Толстой, „основанъ на томъ положеніи, что Михайло Кологривовъ есть государственный измѣнникъ, и къ сему положенію приведены всѣ законы объ измѣнѣ и оскорбленіи Величества; 127, 135, 137 пункты Воинскаго Устава гласятъ несомнѣнно объ измѣнѣ, о дѣйствіяхъ, могущихъ произвести бунтъ и возмущеніе. 26 пунктъ онаго же устава, 2-й пунктъ 5 книги Морского и указъ 1727 года, Генваря 20, опредѣляютъ степень казни за выраженія противъ персоны Его Величества и высокой фамиліи. Но 6 статья высочайше дарованной дворянству грамоты постановляетъ уже различіе между нарушеніемъ клятвы и измѣной. Въ дѣлѣ Кологривова видимъ мы слабоумнаго, политическими мечтами развращеннаго юношу, находящагося подъ властію опекуновъ, ими отправленнаго въ чужіе края, не повиновавшагося высочайшей волѣ объ отъѣздѣ Русскихъ изъ Парижа, увлеченнаго въ толпу Испанскихъ выходцевъ, писавшаго къ ближайшимъ родственникамъ, къ матери, къ опекуну нелѣпыя свои сужденія насчетъ самовластия и тиранства, но не произносившаго нигдѣ священнаго имени Августѣйшаго Монарха или Его Высочайшаго дома. Кологривовъ, будучи еще подъ опекою, слѣдовательно не пользующійся полнотою гражданскихъ правъ, могъ увлекаться событіями, заразиться политическимъ развратомъ, предаваться мечтамъ ложнымъ, свойственнымъ его неопытности и слабоумію, и онъ все сіе безъ сомнѣнія сдѣлалъ; но по собственному порядку вещей, онъ не могъ измѣнить Государю и Отечеству, замышлять противъ ихъ, вызывать къ возмущенію вѣрноподданныхъ соотечественниковъ. Кологривовъ остановился или былъ остановленъ силою вещей на первой ступени преступленія. Къ тому, если бъ собрать въ одно всѣ обстоятельства предыдущія его побѣгу изъ Парижа, уважить можно, что сей юноша (кочему и теперь 18 лѣтъ отъ роду) оказывалъ, по словамъ опекуна⁴⁾, съ дѣтства пылкій, своевольный и настойчивый характеръ и вольнодумство, и что сей самый опекунъ для исправленія его отправилъ

¹⁾ Тайн. сов. Петръ Кириловичъ, въ 5 Деп. былъ съ 1831—1840 г.

²⁾ Тайн. сов. Вильгельмъ Федоровичъ, въ 5 Деп. съ 1824 по 1832 г.

³⁾ Тайн. сов. Петръ Андреевичъ, въ 5 Деп. съ 1822 по 1832 г.

⁴⁾ Д. Н. Бѣгичева.

его въ Парижъ подь руководствомъ иностранца, коего образъ мыслей не представляетъ правительству никакого за себя ручательства, что сей послѣдній совѣтывалъ опекунамъ оставить Кологривова еще на нѣсколько времени въ чужихъ краяхъ, тогда какъ Кологривовъ принялъ уже, по словамъ наставника, дѣятельное участіе въ послѣдней революціи: то нельзя не увидѣть въ Кологривовѣ одну изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ дурного воспитанія, всегда проистекающаго отъ незнанія Отечества и легкомысленнаго презрѣнія ко всему святому и высокому, одно изъ тѣхъ печальныхъ явленій нашего вѣка, ничѣмъ не оправдываемыхъ, но коихъ постигнуть не трудно по стеченію дурного воспитанія съ дурными навыками и съ неосторожностію тѣхъ, которые поставляютъ незрѣлаго, неопытнаго, къ разврату готоваго юношу посреди всѣхъ обольщеній и всѣхъ опасностей, отъ коихъ произошла и самая гибель его. Законы непреклонны, и если Кологривова можно признать за измѣнника, то законы въ приговорѣ Уголовной Палаты приведены правильно; но онъ не измѣнилъ, потому, что не могъ измѣнить. Въ семъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, первая обязанность криминальнаго судилища состоитъ въ томъ, чтобы принимать выраженія въ буквальномъ и точнѣйшемъ ихъ значеніи. Кологривовъ не повиновался высочайшей волѣ; онъ участвовалъ въ происшествіяхъ, неодобряемыхъ правительствомъ; онъ не нарушилъ вѣрноподданической клятвы (ибо сей священный обрядъ, по несовершеннолѣтію, имъ вѣроятно совершенъ не былъ, а въ службѣ онъ не находился); но онъ не исполнилъ обязанности благомыслящаго гражданина, онъ не внялъ гласу Монарха, внушеніямъ здраваго разсудка; онъ поступилъ какъ безумный и, какъ безумный, долженъ быть наказанъ. Лишеніе гражданскихъ правъ и свободы, оставленіе его имѣнія подь опекою, отъ правительства вновь учрежденною, продолжительное содержаніе его въ одной изъ крѣпостей нашихъ, будутъ для него наказаніе сообразное съ его преступленіемъ и съ снисходительнымъ духомъ нашего законодательства относительно преступленій, учиняемыхъ до совершеннолѣтія (указъ 1766 г., Мал 2); но сіе наказаніе не лишитъ его возможности заглавить когда либо размышленіемъ и раскаяніемъ заблужденіе и мечты ранней юности и сдѣлаться, можетъ быть, достойнымъ милосердія Августѣйшаго Монарха, всегда неизчерпаемаго, гласящаго, гдѣ законы безмолвствуютъ, милующаго, гдѣ они поражаютъ“.

Къ тому же почти заключенію пришелъ и сенаторъ генераль-адъютантъ князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, который также подалъ слѣдующее особое мнѣніе: „Приступая къ разсмотрѣнію приговора С.-Петербургской Уголовной Палаты по дѣлу о сынѣ генерала-отъ-кавалеріи Кологривова, Михаилѣ Кологривовѣ, необходимо имѣть удостовѣреніе и ясное доказательство о томъ, сколько было ему отъ роду лѣтъ и въ послѣднюю Французскую революцію, въ Іюль, и во время присоединенія его къ Испанскимъ мятежникамъ въ Сентябрѣ 1830 года; ибо въ сіе время началось его преступленіе, и отъ разрѣшенія таковаго вопроса зависятъ его судъ и наказаніе. Но сего доказательства, которое не иное какое можетъ и должно быть, какъ выписка изъ метрическихъ книгъ о его рожденіи и крещеніи, въ дѣлѣ не имѣется. Если Михайло

Кологривовъ во время своего преступленія не имѣлъ еще 17 лѣтъ отъ роду, то по указу 1766 г., Мая 2 дня, должно его судить и наказать какъ несовершеннолѣтняго; а если напротивъ достигъ уже сего возраста, то онымъ указомъ именно повелѣно: таковыхъ преступниковъ подвергать суду уголовному. Почему и полагаетъ онъ, сенаторъ, необходимымъ истребовать помянутое о рожденіи и крещеніи Кологривова свидѣтельство. Между тѣмъ, обращаясь къ самому существу содѣяннаго имъ преступленія и примѣняя къ оному всѣ подведенныя Уголовною Палатою законы, онъ не находитъ, чтобы оное означало государственную измѣну или бунтъ, въ тѣсномъ смыслѣ; но измѣну вообще противу обязанностей гражданина Русскаго, противу обязанностей дворянина, противу того благотворнаго образа правленія, подъ сѣнію коего предки его получили права, преимущества, состояніе, и все то сообщили ему. Что же касается до оскорбленія Величества, то въ буйныхъ выраженіяхъ собственноручныхъ Кологривова писемъ и въ образѣ мыслей, описанномъ его гувернеромъ Иономъ, вездѣ сіе обнаруживается; неповиновеніе же высочайшей волѣ объ отъѣздѣ Русскихъ изъ Парижа весьма ясно и доказано; сіи уже преступленія по существу нашихъ коренныхъ законовъ весьма важны и влекутъ за собою строгое наказаніе, ибо служатъ началомъ и основаніемъ государственной измѣны и самаго бунта. Кологривовъ—Русскій дворянинъ. Сіе понятіе первое представляется при сужденіи о его преступленіи. Восходя къ началу и происхожденію Русскаго дворянства и къ тѣмъ причинамъ, по коимъ дарованы оному права и преимущества, открывается, что доблестные слуги согражданъ на полѣ брани, пролитая ими кровь и пожертвованіе самою жизнію для защиты и славы Отечества и Государя, мирныя гражданскія добродѣтели и способности, принесшія государству пользу и благоденствіе, были тѣ заслуги и тѣ отличія, за кои признательное отечество, въ особѣ Государя, даровало такимъ согражданамъ званіе, титулы, почести, отличія и имѣнія. По важности и значительности сихъ отличій составились сословія: дворянства, духовенства, купечества и гражданъ. Каждому изъ сихъ сословій предоставлены особыя, большія одному передъ другимъ преимущества, по мѣрѣ большихъ или меньшихъ заслугъ. Слѣдственно, человекъ оказавшій себя своими поступками не достойнымъ дарованныхъ преимуществъ, не чувствующій имъ цѣны, по самой справедливости и законамъ нашимъ, долженъ оныхъ лишиться. Въ сей категоріи состоитъ Михайло Кологривовъ. Преступленіе его нанесло оскорбленіе имени Русскаго дворянина, и потому для чести сего сословія онъ долженъ быть изъ онаго изверженъ. Неповиновеніе высочайшей волѣ, оскорбительныя сужденія о правительствѣ и присоединеніе его къ мятежникамъ, увеличивая такую вину его, лишаютъ его права гражданства и наименованія Русскимъ, слѣдственно воспрещаютъ ему возвращеніе въ Россію, какъ изволилъ рѣшить и самъ Государь Императоръ; но обстоятельства, предшествовавшія преступленію и сопровождавшія оное, часто преклоняють строгость закона къ снисхожденію и праведный гнѣвъ Государя прелагаютъ на милость; въ семъ отношеніи преступленіе Михайла Кологривова заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Онъ, по словамъ опекуна Бѣгичева, съ самаго дѣтства оказывалъ пылкій, своевольный и

настойчивый характеръ, а потомъ вольнодумство. Но что всего страшнѣе, при такомъ дурномъ расположеніи неопытнаго ума, онъ посланъ для исправленія въ чужіе края, гнѣздо разврата и превратныхъ мыслей нынѣшняго вѣка, при томъ надзоръ и воспитаніе его поручено такому гувернеру, коего правила и образъ мыслей, по сходству ихъ съ образомъ мыслей его воспитанника, весьма подозрительны, ибо если бы они были иные, то неестественно, чтобы онъ могъ приобрести себѣ столь искреннее расположеніе и привязанность вольнодумца Кологривова, расположеніе, коимъ самъ гувернеръ въ письмахъ своихъ хвалится и которое весьма ясно и сильно выражено въ письмахъ Кологривова. Потворство сего гувернера своему воспитаннику обнаруживается и изъ того, что онъ противно прямой своей обязанности, не принявъ благо-разумныхъ мѣръ и допустивъ его взять лично, какъ самъ говоритъ, дѣятельное участіе въ послѣдней Французской революціи, извиняетъ еще сей поступокъ, говоря, что какія-то обстоятельства принудили его къ сему участію; а между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы по долгу своему помыслить объ излѣченіи зараженнаго либерализмомъ своего воспитанника, онъ совѣтуетъ родственникамъ оставить его еще нѣсколько времени въ чужихъ краяхъ. Изъ сего ясно обнаруживается, что Кологривовъ есть нѣкоторымъ образомъ жертва того гибельнаго иностраннаго воспитанія, которое, какъ червь, втайнѣ, непримѣтно, но вѣрно, повреждаетъ государственное наше благоденствіе, истребляя въ будущемъ поколѣніи благородныя и высокія чувства патріотизма, всегда отличавшія предковъ нашихъ. Сообразивъ все сіе, онъ полагаетъ, что если по особенному отеческому милосердію Его Императорскаго Величества, благоугодно было бы Государю Императору удостоить милостивымъ и сострадательнымъ взоромъ своимъ совратившагося съ пути истиннаго молодого Кологривова, то для наказанія и исправленія его не долговременное заключеніе и размышленіе нужны, но дѣятельный опытъ. Надобно, чтобы онъ потерянное своимъ преступленіемъ благородное званіе Русскаго дворянина и сопряженныя съ онымъ права и преимущества заслуживалъ и приобреталъ тѣмъ же путемъ, какимъ предки его все то заслуживали. И потому онъ, сенаторъ, полагаетъ: лишить его дворянства, отдать въ военную службу впредъ до оказанія такихъ заслугъ и отличій на полѣ брани, коими бы онъ удостоился, по всей справедливости и по милосердію Монарха, наименованія Русскаго дворянина. Имѣніе же на часть его слѣдующее, поручить распоряженію опеки и доходъ съ онаго отсылать для приращенія въ государственныя кредитныя установленія. Въ послѣдствіи же времени, если Кологривовъ службою своею загладитъ великость своего преступления и возвратитъ благородное дворянское званіе, то равномерно отъ Монаршаго милосердія будетъ зависеть возвращеніе ему имѣнія со всѣми собранными доходами“.

Примирительное предложеніе оберъ-прокурора Фонъ-Дезина не привело, однако, къ единогласію: сенаторы остались при своихъ мнѣніяхъ, и дѣло перешло въ Общее Собраніе Сената, гдѣ также „призошли разныя мнѣнія“.

Сенаторы: Мордвиновъ, Сумароковъ, Назимовъ и Михаловскій высказались, что, въ виду того, что Кологривову высочайше воспрещено возвращеніе въ Россію, остается только лишить его дворянства.

Графъ П. А. Толстой заявилъ, что онъ „остается при своемъ мнѣніи, объявленномъ имъ, вмѣстѣ съ г. сенаторомъ Уваровымъ, при сужденіи дѣла сего въ 5 департаментѣ Правительствующаго Сената, состоящемъ въ томъ, что лишеніе Михайла Кологривова гражданскихъ правъ и свободы, оставленіе его имѣнія подъ опекою, отъ правительства вновь учрежденною, продолжительное содержаніе его въ одной изъ крѣпостей, будутъ для него наказаніе сообразное съ его преступленіемъ и съ снисходительнымъ духомъ законодательства, относительно преступленій, учиняемыхъ до совершеннолѣтія, но сіе наказаніе не лишить его возможности загладить когда либо размышленіемъ и раскаяніемъ заблужденіе и мечты ранней юности и сдѣлаться, можетъ быть, достойнымъ милосердія Августѣйшаго Монарха, всегда не изчерпаемаго, гласящаго, гдѣ законы безмолвуютъ, милующаго, гдѣ они поражаютъ“.

Сенаторы Вистицкій, Гечевичъ, Ставицкій и князь Хованскій¹⁾, присоединяясь къ мнѣнію графа Толстого, добавляли, что „полагаемая мѣра наказанія побудитъ и другихъ, подобнаго рода преступниковъ, къ раскаянію въ своемъ преступленіи, всякая же въ противномъ случаѣ строгость наказанія введетъ ихъ въ ожесточеніе“. Князь В. С. Трубецкой также остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, высказанномъ въ 5 департаментѣ, а къ нему присоединились сенаторы князь Шаховской, Пуцинъ и царевичъ Грузинскій Багратъ²⁾.

Послѣ того было выслушано предложеніе управлявшаго Министерствомъ Юстиціи Д. В. Дашкова, слѣдующаго содержанія:

„При разсмотрѣніи въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената 4, 5, и Межеваго департаментовъ дѣла о сынѣ умершаго генерала-отъ-кавалеріи Кологривова, Михайлѣ Кологривовѣ, преданномъ суду за вступленіе въ службу Испанскихъ инсургентовъ, произошли у гг. сенаторовъ разныя мнѣнія,

¹⁾ Тайный совѣтникъ Вистицкій, Григорій Степановичъ, заставлялъ въ Межевомъ д-тѣ Сената съ 1825—1836 г.г.; тайный совѣтникъ Гечевичъ, Викентій Ивановичъ, въ 5 д-тѣ Сената заставлялъ съ 1832—1839 г.г.; г.-лейт. Ставицкій, Максимъ Ѳеодоровичъ, въ 5 д-тѣ Сената съ 1827 г. по 1832 года; князь Александръ Николаевичъ Хованскій тайный совѣтникъ.

²⁾ Князь Николай Леонтьевичъ Шаховской заставлялъ въ Межевомъ д-тѣ съ 1820—1836 г.г.; генералъ-лейтенантъ Иванъ Петровичъ Пуцинъ, въ 5 департаментѣ и въ Общемъ Собраніи, Царевичъ Грузинскій Багратъ Георгіевичъ въ 5 департаментѣ и Общемъ Собраніи Сената заставлялъ съ 1827 по 1841 года.

какъ о качествѣ его преступленія, такъ и о наказаніи, коему онъ подлежитъ. Преступленіе подсудимаго открывается изъ писемъ бывшаго при немъ доктора правъ Иона и собственноручныхъ его, Кологривова. Хотя и слѣдовало бы прежде до рѣшительнаго по сему дѣлу заключенія спросить его, признаетъ ли онъ сіи письма своими; но какъ съ одной стороны подлинность ихъ подтверждается и означеннымъ Иономъ, и опекуномъ Кологривова дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бѣгичевымъ, а съ другой нынѣшнее мѣстопребываніе Кологривова не извѣстно, и онъ самъ рѣшительно объявилъ, „что не намѣренъ никогда возвратиться въ Россію“: то слѣдуя указу 1775 г., Апрѣля 28, нѣтъ необходимости домогаться за симъ дальнѣйшаго удостовѣренія. Касательно его возраста, изъ дѣла видно, что во время отбытія его къ рати испанскихъ инсургентовъ, ему было болѣе 17 лѣтъ; слѣдовательно хотя крайняя молодость его еще не освобождающая его отъ попечительства и можетъ быть принята въ уваженіе, но изыатія, постановленныя закономъ въ пользу малолѣтнихъ по уголовнымъ дѣламъ, на него не распространяются. Помянутыми письмами доказывается, что молодой Кологривовъ, дурно воспитанный и мало обуздываемый своимъ руководителемъ, увлекшись пагубными мечтами вольнодумства, сперва принималъ безразсудное и противное обязанностямъ Россійскаго дворянина участіе въ Парижскомъ мятежѣ, а потомъ отправился въ службу Испанскихъ инсургентовъ, вопреки 19 статьѣ жалованной дворянству грамоты, кою дозволяется служить токмо союзнымъ Россіи державамъ. Сверхъ того, въ сихъ же письмахъ (впрочемъ не гласныхъ), отрекаясь на всегда, какъ сказано, отъ возвращенія въ Отечество, къ чему (по собственнымъ словамъ Кологривова) принудило его полученное въ Парижѣ повелѣніе Государя Императора, онъ изъясняетъ: „что ни его мать, ни родственники, ни самъ Богъ не могли бы убѣдить оставить его намѣреніе, что онъ болѣе всего ненавидитъ самовластіе и не можетъ жить подъ деспотическимъ правленіемъ, что зрѣло обдумалъ свой поступокъ, можетъ лишиться своего имѣнія, но лучше согласится бѣдствовать, даже умереть, чѣмъ жить въ рабствѣ“, и прочее. Внимательно входя въ разсмотрѣніе сихъ преступныхъ поступковъ и изъясненій, онъ, управляющій Министерствомъ Юстиціи, не находитъ, согласно съ мнѣніемъ шести гг. сенаторовъ, въ оныхъ достаточнаго повода къ обвиненію Кологривова ни въ бунтѣ, ни въ измѣнѣ, за кои положена законами смертная казнь. Не можетъ также съ своей стороны видѣть въ дерзкихъ и буйственныхъ его выраженіяхъ тяжелой вины оскорбленія Величества, ибо сіи выраженія, по смыслу ихъ, не относятся къ священной особѣ Государя Императора, но болѣе къ ложному и пагубному понятію о свойствѣ самодержавнаго правленія, подъ коимъ Отечество наше благоденствуетъ. Къ сему требующему строгаго обузданія проступку, присоединяются еще слѣдующія вины: поднятіе оружія противъ союзной Россіи державы и изъясненіе намѣренія не исполнять Высочайшаго повелѣнія Его Величества, которое подсудимому было еще въ Парижѣ извѣстно. Слѣдовательно, онъ оказывается нарушителемъ вѣрноподданническаго долга и пренебрегающимъ тѣ права и обязанности, кои принадлежатъ преимущественно дворянскому званію, наслѣдованному имъ отъ предковъ. Изъ сихъ оснований

по мнѣнію его, управляшаго Министерствомъ Юстиціи, соображая оныя съ коренными государственными постановленіями и съ послѣдовавшими о Кологривовѣ высочайшими повелѣніями, надлежитъ извлечь и заключеніе о мѣрѣ наказанія, коему онъ долженствуетъ быть подвергнутъ. Буйственными поступками своими онъ самъ показалъ необходимость въ строгомъ обузданіи, которое по молодости лѣтъ его могло бы быть успѣшнымъ, а нарушеніемъ вѣрноподданническаго долга и поведеніемъ недостойнымъ Россійскаго дворянина, самъ разрушилъ дворянское свое достоинство. По чему онъ, управлявшій Министерствомъ Юстиціи, и полагалъ бы: подсудимаго Кологривова, по силѣ 6 статьи дворянской грамоты, лишивъ дворянства, отдать въ солдаты съ выслугою, но какъ сего послѣдняго нынѣ исполнить невозможно, за объявленнымъ чрезъ генераль-адъютанта Бенкендорфа высочайшимъ повелѣніемъ о воспрещеніи Кологривову возврата въ Россію, то поступки его и присужденное ему наказаніе обнародовать въ примѣръ ему подобныхъ. Сверхъ того, принимая въ основаніе высочайше утвержденное 15 Октября 1828 года мнѣніе Государственного Совѣта, все движимое и недвижимое имѣніе его взять въ опеку и поручить управленію ближайшихъ его родственниковъ, строго обязавъ ихъ не пересылать Кологривову ни малѣйшей части изъ доходовъ, а такъ же и изъ цѣны онаго. Таковое свое заключеніе онъ, управлявшій Министерствомъ Юстиціи, имѣетъ честь предложить Пр. Сенату съ тѣмъ, не благоугодно ли будетъ принять оное для постановленія единогласнаго рѣшенія“.

Предложеніе это, однако, также не было принято единогласно. Съ министромъ юстиціи согласились 8 сенаторовъ¹⁾, а 7 „особъ²⁾“ остались при прежнихъ своихъ мнѣніяхъ.

Дѣло такимъ образомъ должно было перейти въ Государственный Совѣтъ, куда и поступило 5 Января 1832 года.

Между тѣмъ, не успѣло еще дѣло поступить на разсмотрѣніе Департамента Государственного Совѣта, какъ государственный секретарь получилъ отъ министра юстиціи Дашкова слѣдующее отношеніе отъ 12 Февраля 1832 года: „Господинъ вице-канцлеръ графъ Нессельродъ сообщилъ мнѣ, что прибывшій въ Берлинъ Михайло Кологривовъ, о которомъ 5 прошедшаго Генваря препровождено къ вашему превосходительству для внесенія въ Государственный Совѣтъ дѣло, прислалъ чрезъ посредство Бер-

¹⁾ Генераль-лейтенантъ Иванъ Петровичъ Пущинъ, вице-адмиралъ Кириллъ Григорьевичъ Михаловскій, князь Николай Леонтьевичъ Шаховской, царевичъ Багратъ, Меркуловъ, Мертенсъ, князь Трубецкой и Гечевичъ.

²⁾ Тайн. сов. Дмитрій Михайловичъ Мордвиновъ, графъ П. А. Толстой, д. тайный совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, Вистицкій, Ставицкій, князь Хованскій и генераль-лейтенантъ Василій Гавриловичъ Назимовъ.

линской миссиі нашей прошеніе на высочайшее имя Государя Императора о дарованіи ему всемилостивѣйшаго прощенія и о позволеніи возвратиться въ отечество, что Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить высочайшее соизволеніе на возвращеніе Кологривова въ Россію, съ тѣмъ, однакоже, чтобы онъ, немедленно по прибытіи сюда, вступилъ въ нашу военную службу простымъ рядовымъ, съ сохраненіемъ дворянскаго достоинства, и ревностнымъ исполненіемъ обязанностей вѣрноподданнаго старался загладить вину свою, и что объ объявленіи ему, Кологривову, сей монаршей воли предписано уже повѣренному въ дѣлахъ въ Берлинѣ барону Мальтицу“ *).

М. А. Кологривовъ, по родословной книгѣ князя П. В. Долгорукова, умеръ въ 1851 году.

А. Голомбѣвскій.

*) Архивъ Государственнаго Совѣта, Д-та Гражд. и Дух. дѣлъ, 1832 г., д. № 5.